

Пятнадцать лет назад, когда в конкурсной программе Московского международного кинофестиваля прошел фильм Элема Климова «Иди и смотри», зрителей потрясла игра юного исполнителя, московского школьника Алеши Кравченко. Он сумел подняться до трагических высот в рассказе о судьбе своего героя.

И лишь недавно имя Кравченко вновь появилось в титрах нескольких фильмов, среди которых есть достаточно известные — «Мама», «Фортуна», «Цветы от победителей». Но за долгие годы экранного отсутствия актера имя его обросло слухами, легендами, вплоть до того, что поговаривали, будто съемки «Иди и смотри» привели школьника к серьезному нервному срыву, тяжелой болезни. Знает ли об этом сам артист?

— Конечно, знаю, — к счастью, Алексей с юмором воспринимает мой вопрос. — Чего только обо мне не придумывали! Ведь до сих пор зрители иной раз застенчиво спрашивают: «Как вы себя чувствуете после лечения?» Я-то понимаю, о чем идет речь. Отвечаю: «Спасибо, нормально. Пока не кушаюсь...». Однажды в Москву приехала съемочная группа из Германии, сообщив, что ее очень интересует судьба мальчика, снимавшегося в «Иди и смотри». Вот, дескать, пропал он куда-то, слышали, что три года болел после той картины... В итоге встретились со мной, абсолютно здоровым, и сняли обо мне часовую ленту.

— Но все же была долгая пауза?

— Разумеется: надо было закончить школу, после картины я вернулся в восьмой класс, пропустив седьмой начисто. Потом служил три года на флоте. И лишь после армии поступил в Театральное училище имени Щукина.

— Если бы в вашей жизни не было фильма «Иди и смотри», решились бы вы стать актером?

— Наверное, такова была воля судьбы. Я ведь попал в группу Климова случайно. Все получилось, как в сюжете, знакомом по биографиям многих актеров. Мой одноклассник услышал, что для картины «Иди и смотри» нужен подросток, уговорил меня поехать с ним на киностудию — просто за компанию. Я совершенно не представлял себе тогда, что может последовать за этим. Но включился в отбор, на меня обратили внимание...

— И захотелось сниматься?

— Не сразу. Вот когда начались кинопробы, что-то во мне резко изменилось. Вдруг понял, что готов себя всего отдать, только бы сыграть эту роль. Проб было три, одна другой круче. Последняя — самая трудная, трагический фрагмент фильма. К тому времени интуитивно чувствовал, что Климов, вся группа его хотят, чтобы я снимался у них. Помню, что-то делал перед камерой. Кажется, был крупный и сверткрупный мой план. Ощущение такое, что снимаюсь целый день. Когда все кончилось, люди мне зааплодировали. Я услышал: «У нас есть мальчик на главную роль!»

— Естественно, вы читали сценарий перед началом съемок. Не испугала ли эта история тринадцатилетнего Алешу Кравченко своей жесткостью?

«Цветы от победителей»

— Нет. Возможно, в силу возраста. Знаете, это было похоже на то, как дети смотрят картины о войне.

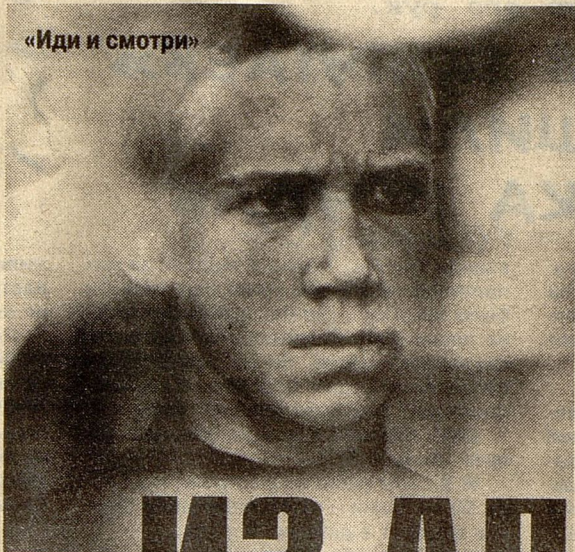
— То есть чуть со стороны?

— Наверное. Мне было все необыкновенно интересно. Тяжело, конечно. Снимали девять месяцев, практически я ушел из школы. Пытались меня как-то пристроить на учебу во время съемок, но ничего не вышло. Работали с утра до ночи. Выматывались запредельно.

— И не было жалости к ребенку со стороны старших, группы?

— Была. Но, главное, она проявлялась внешне сдержанно, так, чтобы я сам не разжалобился по поводу своей трудной участи. Элем Германович вел себя со мной, как со взрослым. Он доверял мне, пацану, и у меня ни разу не возникало

«Иди и смотри»

ИЗ АДА В СКАЗКУ

мысли, что я чего-то не смогу сделать, не осилю, не сумею. Я мог все! Иногда казалось: могу подвиг совершить, если понадобится. И совершил бы.

— В принципе, ваша работа там и была своего рода подвигом для подростка, хотя бы в плане невероятно-го нервного напряжения?

— Мне помогала еще гитара. Я с детства очень любил музыку. В первом классе начал заниматься, к четвертому играл на гитаре почти профессионально. Потом увлекся «групповой» музыкой, поступил в джазовую студию. Элем Германович знал о моей любви к музыке и велел группе следить за тем, чтобы у меня постоянно была при себе гитара. В перерывах между съемками я брел, пел, что-то сочинял...

— Таким образом расслаблялся?

— Да. А физические нагрузки, всяческие трудности — это обычно в кино. Тем более парень я был хулиганистый, не в таких перделках бывал до съемок. На площадке понимал: надо все подобные случаи принимать по-мужски. Мне пришлось в картине носить линзы: режиссер и оператор решили, что цвет глаз героя должен меняться в зависимости от его душевного состояния. Когда первый раз мне вставили линзы, я думал, что сейчас умру... Потом привык, наловчился сам их вставлять. Сцену сожжения людей мы снимали в амбаре; народу туда столько затолкали, что невозможно было шевель-

нуться. В этот момент у меня выпадает линза, ловлю ее... В окне амбара Элем Германович: «Леша, ты готов?» — «Готов...» Вставляю линзу в глаз грязными руками. Плюс грим течет... Сняли. На другой день у меня начался жутчайший конъюнктивит.

— Как все это пережила ваша мама?

— Поначалу Элем Германович не пускал ее на съемки. Волновался: увидит, как мы работаем, и заберет ребенка. Но он просто не знал мою маму. Как-то я заболел. Мама приехала ко мне в Минск, познакомилась с Климовым, приняла все достаточно мирно. Хотя, знаю, ей было нелегко. Но мама — крепкий. Климов до сих пор передает ей поклоны. Думаю, ее убедило отношение ко мне Элема Германовича. Он никогда не повышал на меня голос, не кричал, был для меня старшим товарищем. Климов — спортсмен, держал форму, бегал. Я смотрел на него и старался быть таким же.

— Вы вернулись в школу. Было у вас ощущение, что вы, после той роли, стали старше ваших ровесников?

— Не знаю, старше ли, но стал поинимать все осмысливать, иначе воспринимать окружающий мир. Были потом еще армия, флот, что тоже немало добавляет. В училище я пришел действительно взрослым.

— Почему вы выбрали Училище имени Щукина?

— Климов сказал, что «Щука» — лучший из наших театральных институтов. Поступил я сразу, на третьем курсе был принят в труппу Театра Вахтангова, сыграл в спектакле «Варвары». Сейчас там работаю, занят в детском спектакле «Али-Баба и сорок разбойников». Но больше всего люблю свою роль в спектакле «Жизнь есть сон» по пьесе Кальдерона. Он идет у нас на Малой сцене, где чувствуешь рядом дыхание зала. У меня роль Шута. Мне, единственному из исполнителей, разрешено импровизировать с текстом, и оттого каждый раз я играю Шута иначе.

— Ваши отношения с кинематографом сегодня более успешны, нежели с театром. За последние три года — пять киноролей. Вас знают. Вы, с одной стороны, как бы продолжаете линию героев, которыми когда-то славилось наше кино: сильных, надежных мужчин, мужиков. С другой — нередко появляетесь эдаким «качком», мастером боев и стрельбы на экране.

— Что касается театра, доля правоты есть в ваших словах. Мо-

СК «Новости» - 2000 - 14 МАРТА - С. 10.

жет, надо менять имидж? Одно время меня стали спрашивать, не ухожу ли я из театра? Нет, несмотря на наши странные взаимоотношения. Из Вахтанговского я не уйду. Человек я домашний, этот театр — мой дом. Постараюсь чего-нибудь там достичь — у меня характер настойчивый, если я что-то решаю, то добиваюсь... Кино меня действительно, вроде, полюбило. Много предложений. Нередко отказываюсь, видя, что заталкивают в рамки «сильного и мужественного». Мне это не чуждо, но не все же время играть одно и то же? Я ценю жанр боевика, но хочу, чтобы было написано ярко, оригинально, сильно. Скучно все время вертеться в сугубо криминальных проблемах, в крови, выстрелах... Не нравится, когда меня режиссеры спрашивают: «Вы можете сыграть нечто среднее между Высоцким и Чаклом Норисом?» Почему они не хотят, чтобы я играл, как Алексей Кравченко?

— Алеша, вы переживали, что не снялись в фильме «Кавказский пленник», куда были практически утверждены, и замена состоялась буквально за две недели до съемок?

— Я пробовался на роль Ивана Жилина с несколькими потенциальными исполнителями роли Сашки-«Слая» — Охлобыстин, Маковецким, Машковым. Потом появился Олег Меньшиков, с ним в паре лучше сочетался Сергей Бодров-младший, я сумел это понять. Кстати, режиссер фильма Сергей Бодров-старший предлагал мне пробы и на «Слая», но я отказался: как-то не чувствовал тогда в себе возможностей для такой роли. Вот теперь, когда рамки моего амплуа стали как бы шире, возможно, рискнул бы... Через три года после проб в «Кавказском пленнике» я встретился опять с моими несостоявшимися партнерами, когда Денис Евстигнеев предложил мне роль Василия в картине «Мама».

— Не робели, включаясь в столь звездный ансамбль «братьев»: Меньшиков, Машков, Миронов?

— Признаться, поначалу подумалось: каково мне будет работать с актерами такого ранга, людьми, которых только в кино и по телевизору, в принципе, знаю? Как они ко мне отнесутся? И вообще — отнесутся ли как-то?

С этим пришел на первую встречу. Появился Володя Машков. Конечно, пробовались вместе, но время прошло, помнит ли меня? А он просто — как старому знакомому — сказал: «Привет, Леша...». Потом пришел Женя Миронов, говорит мне: «Меня с тобой путают, похожи мы...» Я ему: «А меня путают с тобой». Рассмеялись. Третьим был Меньшиков. Подаю руку, представляю: «Леша». А он мне: «Ты чего? Мы же знакомы». И все стало на свои места.

— В «Маме» каждый из братьев Юрьевых — особый мир, при этом складывается и коллективный портрет этой трагической семьи. Вы внесли в него жесткость, волю, надежность...

— Каждый пел свою арию, но был и хор. Денис Евстигнеев перед сценой драки в тюремной психбольнице примерно так распределил нас: Николай (Машков) драться не умеет, но любит; Юрий (Крылов) вообще существует, словно на тор-мозах; Павел (Миронов) все время петушится, на деле — слабак. А Василий, мой герой, драться умеет, но не любит. В этом, отчасти, их характеры.

— Однако дрались вы там лихо...

— Стараясь не причинить никому вреда. Ташил на плече Миронова, боялся, чтобы он руками ничего лишнего не делал. Вообще с Женей очень здорово вместе играть. Он мгновенно включается в роль, слышит «Мотор!» — и сразу становится другим. И так же мгновенно может вернуться к самому себе.

— Зато в картине «Фортуна» вы жили мирной жизнью в отличие от «Мамы» и «Цветов для победителей»...

— Я искренне ликовал, когда меня пригласил такой режиссер, как Георгий Данелия. Он утвердил меня сразу, и я ездил подыгрывать актрисам, пробующимся на роль Маши, молодой жены моего героя. Пока не появилась Даша Мороз с ее энергетикой, светом. Стало ясно: играть будет она и только она. До «Фортуны» у меня действительно не было в кино таких персонажей. Георгий Николаевич спросил в

самом начале: доверяю ли я ему? Ну, конечно же!... Одновременно он слушал и мои предложения. У него потрясающе цепкий взгляд. Я всегда чувствовал его на съемках. Он не хвалил меня, не говорил: «Классно!» или что-то подобное. Но умел молча показать: туда идешь в роли.

— Вашего «Рейнджера из атомной зоны» широкий зритель так пока и не увидел, но скоро выйдет еще один

«Мама»

фильм, где вы тоже в главной роли — «Рождественская сказка».

— С нетерпением жду этого. Там снимались Чулпан Хаматова, Александр Абдулов, Юрий Кузнецов. У меня снова, к моему счастью, абсолютно иной герой. Это человек, познавший радость большой любви, теряющий ее и вновь обретающий. Пытался вложить в эту работу массу душевных сил. Режиссеры — дебютанты, нередко один предлагал одно, другой — другое, надо было найти что-то среднее, свое... В названии картины есть слово «сказка». Но это просто фильм о любви. Сказочный момент там один: когда у героя рождается в сердце что-то прекрасное, над ним летает ангел. В детстве его научили делать кукол, и кукла-ангел поднимается над ним: он вложил в нее огонь своей души. Но ангел исчезает, когда что-то мутное просыпается в этом человеке.

— Ваша судьба, по крайней мере в кино, складывается счастливо, интересно. Сейчас это происходит далеко не у всех ваших коллег-ровесников. Постучим по дереву... Но не бывает ли страшно порой?

— Бывает, конечно, я — живой человек. Но сейчас все мои мысли и чувства отданы «Рождественской сказке». Там, кстати, снимался и мой шестилетний сын Алеша. Он очень похож на меня. Сыграл моего героя — маленького. После чего кто-то уже успел написать об «Алексее Кравченко-младшем». Еще старшего-то по-настоящему нет, а вы уже младшего придумали!..

Беседовала Эльга ЛЫНДИНА